

Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-362-399>

<https://elibrary.ru/HKGCVW>

УДК 821.111(73).0+821.161.1Р.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Ольга ПАНОВА

«МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ В ОСТРОЙ ФОРМЕ»: СОВЕТСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИРВИНГА СТОУНА (1962) И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ В СССР

Аннотация: Американский писатель, автор биографических романов Ирвинг Стоун (1903–1989) стал популярен в СССР с начала 1960-х гг. после выхода переводных изданий его книг о Джеке Лондоне «Моряк в седле» (1938; рус. пер. 1960) и о Ван Гого «Жажда жизни» (1934; рус. пер. 1961). В статье на основе публикаций в советской прессе и материалов из фондов РГАЛИ реконструируется история визита писателя в СССР в октябре 1962 г. в рамках соглашения Лэйси–Зарубина (этот визит совпал с карибским кризисом), его дальнейшие советские контакты (в том числе участие в регулярных советско-американских писательских круглых столах, проводившихся в 1970–1980-е гг. в Москве, Нью-Йорке, Киеве, Лос-Анджелесе и др. городах), издания его книг и динамика его литературной репутации в Советском Союзе — от недоверчиво-осторожного и критического отношения к буржуазному писателю до посмертного причисления его к числу «друзей СССР». В приложении к статье публикуются архивные материалы, документирующие историю пребывания Ирвинга Стоуна в СССР в 1962 г.

Ключевые слова: советско-американские литературные контакты, писательская поездка, Ирвинг Стоун, биографический роман, рецепция, Союз советских писателей, оттепель.

Информация об авторе: Ольга Юрьевна Панова, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Поварская ул., 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>. E-mail: olgaranova65@mail.ru.

Для цитирования: Панова О.Ю. «Мания величия в острой форме»: советское путешествие Ирвинга Стоуна (1962) и его литературная репутация в СССР // Литература двух Америк. 2025. № 19. С. 362–399. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-362-399>

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-362-399>

<https://elibrary.ru/HKGCVW>

UDC 821.111(73).0+821.161.1P.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Olga PANOVA

MEGALOMANIA IN ACUTE FORM: IRVING STONE'S SOVIET JOURNEY, 1962, AND HIS REPUTATION IN THE USSR

Abstract: Irving Stone (1903–1989), American writer chiefly known for his biographical novels, became popular in the USSR in early 1960s when his books on Jack London (*Sailor on Horseback*, 1938; Russian edition 1960) and on Vincent Van Gogh (*Lust for Life*, 1934; Russian edition 1961) were published in Russian translation. On the basis of Soviet press and archived materials from the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI) the paper studies Stone's visit to the USSR in October 1962 (that was part of Lacy–Zarubin exchange and coincided with the Cuban Missile Crisis), his Soviet contacts (including his participation in a series of Soviet-American writers' roundtable peace conferences in 1977–1980s in Moscow, New York City, Batumi, Kiev, Los Angeles), Soviet book editions and his literary reputation in the USSR, from the restrained and critical attitude in early 1960s up to 1989 when in the end Stone was recognized as a “friend of the Soviet Union.” The Addendum contains archived materials that document Stone's 1962 visit to the USSR.

Keywords: Soviet-American literary connections, writer's visit, Irving Stone, biographical novel, reception, Soviet Writers' Union, Thaw.

Information about the author: Olga Yu. Panova, Doctor Hab. in Philology, Professor, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya st. 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>. E-mail: olgapanova65@mail.ru.

For citation: Panova, Olga. “Megalomania in Acute Form: Irving Stone's Soviet Journey, 1962, and His Reputation in the USSR.” *Literature of the Americas*, no. 19 (2025): 362–399. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-362-399>

Ирвинг Стоун (имя при рождении — Ирвинг Тенненбаум, 14 июля 1903, Сан-Франциско, Калифорния — 26 августа 1989, Лос-Анджелес, Калифорния) закончил Калифорнийский университет в Беркли (1923), в 1924 г. получил степень магистра по экономике в частном исследовательском Университете Южной Калифорнии, где потом работал до 1926 г. Его ждала бы скромная карьера университетского преподавателя, если бы не любовь к сочинительству (creative writing). В 1926 г. произошли события, изменившие его жизнь: его пьеса была отмечена премией (Little Theatre Prize) на конкурсе Калифорнийского университета в Беркли; он удачно женился на студентке Лоне Моск, дочери состоятельного лос-анджелесского бизнесмена, который оплатил молодоженам свадебный тур в Париж. Там Стоун испытал потрясение, увидев картины Ван Гога. Позже он рассказывал о том, как у него возникла идея написать книгу о художнике и как начиналась работа на ней.

С картинами Винцента Ван-Гога я столкнулся впервые, когда один из моих настойчивых парижских друзей затащил меня на выставку. Увидев стены зала, завешенные сверкающими арлезианскими полотнами Ван-Гога, я испытал столь глубокое душевное волнение, которое можно сравнить только с ощущением, охватившим меня после прочтения «Братьев Карамазовых». Я покинул выставку с твердым намерением узнать, что же это за человек, которому удалось столь глубоко потрясти меня. Я прочитал всю имевшуюся о нем литературу на английском, французском и немецком языках. Возвратившись в Нью-Йорк, я проводил все вечера в публичных библиотеках на Сорок второй улице и на Пятой авеню за чтением трехтомника писем Винцента к его брату Лео. [...] К концу года, когда я обнаружил, что не в состоянии думать ни о чем другом, я решил, наконец, что напишу историю Ван-Гога хотя бы только для того, чтобы освободиться от нее.

Я родился в Сан-Франциско, где портрет двух убитых и повешенных за задние лапки кроликов считался произведением искусства, и моего багажа знаний было явно недостаточно для работы над книгой о художнике. Поэтому моей первоочередной задачей было прочитать все книги по искусству вообще и по современной живописи, какие только я смогу достать. А затем отправиться на поиски полотен, которые мне посчастливится повидать. Я возвратился в Европу с рюкзаком за плечами и повторил путь Винцента, спускаясь в шахты Боринажа, куда спускался и он, снимая его комнатку при булочной мадам Де-

низ, делая заметки о доме приходского священника, где Ван-Гог жил в Голландии. Я прошел пешком по югу Франции и работал в Желтом доме, жил в психиатрической больнице, куда поместили Ван-Гога, и, наконец, — спал в той же самой комнате и на той же постели в маленькой гостинице в Овере в четвертую годовщину его смерти¹.

В 1927–1928 гг. Стоун путешествует по Европе, собирая материал и совершая паломничество по местам Ван Гога. По возвращении на родину в 1928 г. он принялся за написание книги о Ван Гоге, над которой трудился с огромным увлечением и тщанием. В эти годы (1926–1930) Стоун написал множество пьес, в основном одноактных (некоторые из них были поставлены²), а зарабатывал детективами и популярными рассказами для журналов. В 1933 г. вышел его роман «Парад молодости» (*Pageant of Youth*), герой которого Рэй Шарп, студент вымышленного Университета Стокли в Калифорнии, очень напоминает автора времен его учебы в Беркли.

Закончив книгу о Ван Гоге, автор столкнулся с тем, что издать этот биографический роман оказалось непросто: Стоун утверждал, что он потратил три года, пытаясь пристроить книгу, что ему отказали 17 издательств, и только в 1934 г. “Grosset & Dunlap” наконец согласилось ее напечатать. В том же году Стоун получил развод и вторично женился — на своем литературном секретаре Джин Фэктор, которая стала его редактором, «менеджером» и надежным помощником в работе.

Роман о Ван Гоге «Жажда жизни» (*Lust for Life*, 1934) сделал Стоуна знаменитым и определил его амплуа как автора биографических книг (романов, повестей, биографий) о художниках, мыслителях, политиках и других известных личностях. В Советском Союзе Стоун стал широко известен только в 1960-е и вначале как автор книги о Джеке Лондоне «Моряк в седле» (*Sailor on Horseback*, 1938). Хотя на следующий год после появления этой книги большей ее фрагмент был напечатан в журнале «Интернациональная литература»³, отдель-

¹ Стоун И. Биографическая повесть. Лекция, прочитанная в Оксфордском университете // Прометей. Историко-библиографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 1966. Т. 1. С. 339.

² Например, пьеса «Темное зеркало» (*Dark Mirror*) ставилась театральной труппой Lenox Hill Players в 1928 г.

³ Стоун И. Моряк в седле / пер. с англ. Н. Калашниковой // Интернациональная литература. 1939. № 7–8. С. 217–248.

ное издание вышло только в 1960 г. в серии «ЖЗЛ»⁴. Тогда к Стоуну пришла известность в СССР.

Книга была снабжена идейно выдержанным послесловием Виля Матвеевича Быкова (1925–2007) — переводчика, критика, литературоведа, исследователя жизни и творчества Лондона. Быков отметил, что это первая подробная биография знаменитого писателя, вышедшая на русском языке; основанная на внушительном массиве источников, она представляет собой познавательное и интересное чтение:

Биограф широко использовал автобиографические произведения Лондона, его переписку, воспоминания друзей и близких. Он листал газеты того времени, беседовал с современниками писателя, еще жившими в конце тридцатых годов, когда создавалась книга. Автор стремился сделать свою работу о Лондоне убедительной и увлекательной — и это ему удалось⁵.

После этой сдержанной похвалы Быков на протяжении всей своей статьи критиковал американского автора за «существенные пробелы» — а на самом деле, за то, что его взгляд на Лондона не укладывался в канонические советские представления об этом писателе. Стоун «слишком поверхностно» изображает жизненную и творческую трагедию Лондона, не вскрывая ее глубинных социальных причин, а именно — власть доллара, царящий в США культ наживы, которые в итоге породили у Лондона отвращение к писательству и творческий кризис, закончившийся ранней, безвременной смертью. Быков подробно рассказывает о том, как американские издатели занижали Лондону гонорары, как они пытались навязывать ему свои антихудожественные требования и мещанские вкусы. Советского

⁴ Стоун И. Моряк в седле / пер. М. Кан, послесл. В. Быкова. М.: Молодая гвардия, 1960. («Жизнь замечательных людей»)

⁵ Быков В. Послесловие // Стоун И. Моряк в седле. С. 377. Далее страницы этой статьи указаны в тексте в круглых скобках.

критика возмущает, что «Стоун пишет об издателе Мак Клуре как о благодетеле молодого Лондона» (380).

Стоун не показывает и не анализирует противоречивость творчества Лондона, отразившую противоречия американской действительности (влияние на писателя «шовинистической и расистской пропаганды», с одной стороны, гуманизм и приверженность к социализму — с другой). Быков настаивает на том, что Лондон — писатель-гуманист, и не спорит с утверждением Стоуна о влиянии Ницше на Лондона: «Весь гуманистический пафос творчества Джека Лондона в корне противоречит человеконенавистнической философии ницшеанства» (383).

Вместо того чтобы акцентировать ницшеанство Лондона, американцу-биографу следовало бы подчеркнуть прогрессивные убеждения писателя и его интерес в России:

Особенно досадно, что автор почти ничего не говорит о взаимоотношениях Джека Лондона с наиболее передовыми его современниками, недооценивает его роль как одного из первых популяризаторов социализма на страницах ведущих американских журналов... Почти ничего не узнает читатель из книги Стоуна... о внимании Лондона к русской культуре и русскому революционному движению (384).

Быков один за другим перечисляет недостатки книги: «оценки Стоуна подчас субъективны и небрежны», «иногда автор основывается на ошибочной хронологии», «говорит о малозначительных произведениях Лондона и не замечает существенно важных» (например, даже не упоминает статью Лондона о горьковском «Фоме Гордееве»!) (384) — но после этого шквала критики в заключительном пассаже все же напоминает читателю, что в книге есть и что-то хорошее (иначе зачем бы советскому издательству было ее выпускать?). Быков пишет о том, как Стоун любит Лондона и как давно вынашивал замысел этой книги.

Однако несмотря на отмеченные недостатки, книга Ирвинга Стоуна представляет немалый интерес. Тем более, что от первой и до последней страницы она проникнута искренней любовью к выдающемуся сыну американского народа. Джек Лондон, по словам Стоуна, был с детства для него великим примером. Шести лет познакомился он с рассказами выдающегося писателя, и книги его сыграли решаю-

щую роль в формировании образа мыслей Стоуна. «Мартин Иден» вдохновил Стоуна на писательскую деятельность. С пятнадцатилетнего возраста лелеял Ирвинг мечту создать биографию писателя. Она была написана в 1938 году и с тех пор остается одной из лучших книг о жизни Джека Лондона (385).

Книга Стоуна действительно увлекательное и познавательное чтение — и к тому же народная любовь к Джеку Лондону, неизменно остававшемуся в России и СССР самым читаемым и любимым американским писателем [см. Brown 1962: 219–230], сослужила службу и его биографу. «Моряк в седле» стал — и до сих пор остается — самой известной биографией Лондона у нас в стране. Так, несмотря на суровость критики, с этой книги, выдержавшей несколько переизданий в 1960–1980-е гг., началась широкая популярность Стоуна в СССР.

Через год после выхода биографии Джека Лондона был издан роман о Ван Гоге⁶, который в довоенный период был отмечен критикой⁷, но не переводился. Издание сопровождалось большим послесловием искусствоведа, историка искусства Елены Борисовны Муриной (1925–2021)⁸, которое включало две части: вторая представляла собой очерк о Ваг Гоге, первая посвящалась собственно книге Стоуна. Мурина отмечала целый ряд достоинств «повести о Ван Гоге» — психологическую глубину, умение показать героя одновременно как многогранную и сложную и, вместе с тем, цельную личность, отметить такие важные черты, как демократизм, народность взглядов и творчества художника. Главным залогом успеха, как не раз подчеркивает Мурина, стало решение Стоуна опираться на письма Ван Гога; тем самым он смог разрешить труднейшую задачу, которая встает перед биографом, — «как рассказать о художнике в литературе, которая

⁶ Стоун И. Жажда жизни. Повесть о Винсенте Ван-Гоге / пер. с англ. Н. Банникова, послесл. Е. Муриной. М.: ГИХЛ, 1951. Николай Васильевич Банников (1918–1996) — поэт, журналист, переводчик, выпускник исторического факультета МГУ. После войны работал в издательстве «Художественная литература» и газете «Литературная Россия», переводил книги И. Стоуна, Дж. Лондона, Ч. Робертса.

⁷ См., напр., рецензию Л. Борового в журнале «Интернациональная литература» (1938. № 10. С. 209–210), в которой излагается содержание и приводятся цитаты из романа.

⁸ Е.Б. Мурина училась на искусствоведческом отделении филологического факультета МГУ (1944–1949), затем окончила аспирантуру при Государственной Третьяковской галерее (1949–1952), работала в журнале «Искусство».

имеет дело с человеком, а не с картинами, с психологией поступков, а не с психологией творчества?»

Трудную задачу он [Стоун] решил самым простым путем — в своей работе он строго следовал фактам, известным по огромной пятнадцатилетней переписке Ван Гога с братом... Этот тысячелистный дневник-исповедь почти исключал необходимость что-либо сочинять и домысливать. Более того, Ван Гог, обладавший огромным даром слова, сам того не желая, создал в своих письмах потрясающий литературный автопортрет, который и лег в основу образа героя повести Стоуна⁹.

Мурина считает, что наименее удались Стоуну те части книги, где он не мог опираться на письма (например, когда Ван Гог жил в Париже, как и его брат, и потому писем в этот период они друг другу почти не писали): «Писателю пришлось самостоятельно реконструировать весь парижский период, и он в чем-то утратил свое правильное ощущение героя», «нарушая пропорции истины и вымысла»¹⁰. Такая оценка несколько принижает значение автора книги, его талант и профессионализм. Но критик настаивает на том, что только опора на тексты самого Ван Гога и на свидетельства близко знавших его людей делает книгу по-настоящему ценной.

Несомненный такт и вкус писателя выразился в том, что он сумел изолироваться от влияний каких бы то ни было посторонних литературных источников о художнике. Оставшись один на один с его творчеством и письмами, он добился той необходимой степени вживания в материал, которая придает его книге ощущение захватывающей подлинности¹¹.

Впрочем, и сам Стоун полагал, что решение положить в основу книги письма художника стало залогом ее успеха; он неоднократно

⁹ Мурина Е. Послесловие // Стоун И. Жажда жизни. С. 502–503.

¹⁰ Там же. С. 504.

¹¹ Там же. С. 503.

повторял в своих статьях и интервью, что для создания биографических книг автор должен быть не в меньшей (если не в большей) степени исследователем, чем писателем. «Автор, решивший, что он собирается писать биографическую повесть [...], должен месяцев на шесть, а то и на год выбросить из головы мысли о том, что он писатель, и превратиться в книжного червя», — утверждает Стоун в своей лекции «Биографическая повесть», и перечисляет разные типы источников и литературы, с которой надлежит ознакомиться биографу. Писательский произвол в этом жанре он не одобряет:

Почти все биографии имеют собственную хитро запутанную сюжетную нить, вот автору и придется разобраться во всех этих хитросплетениях. Любая акция, возникшая не самостоятельно, а навязанная действующим лицам автором, всегда будет идти вразрез, мешать стройному построению повести¹².

Таким образом, критерий оценки, выбранный Муриной, вполне органичен и для жанра биографической повести, и для принципов работы автора книги. Разумеется, есть в послесловии и конвенциональная для советских установок критика западного автора (недостаточно внимания уделил Стоун влиянию на Ван Гога революции 1848 г. и т. п.), но это читается как дань необходимости и не определяет смысл и цель вдумчивой и серьезной сопроводительной статьи.

Выход «Жизни Ван Гога» вызвал заметный резонанс. В «Литературной газете» появилась восторженная статья К. Паустовского¹³ — прежде всего, в ней отразилось восхищение писателя творчеством Ван Гога, но и сочинение Стоуна ему очень понравилось.

Американский писатель Ирвинг Стоун написал книгу «Жажда жизни». Это — добросовестная и вместе с тем талантливая биографическая повесть о великом художнике Винсенте Ван-Гоге. Ее следует прочесть каждому, кто любит живопись и пытается проникнуть в сложный мир творчества и вдохновения. [...] Усилия Стоуна разобраться в жизни «неистового Винсента», чтобы найти объяснение его творчества, заслуживают признания. Удалось ли это Стоуну в полной мере или

¹² Стоун И. Биографическая повесть. С. 338.

¹³ Паустовский К. Неистовый Винсент // Литературная газета. 1961. 24 августа. С. 3. Все цит. из этой статьи ниже даны по этому источнику.

нет, — это не столь уж важно сейчас. По-моему, в его толковании Ван-Гога есть доля наивности. Но важно то, что Стоун с упорным вниманием проследил горестную жизнь Винсента, что это упорство объясняется любовью к художнику и что сила этой любви Стоуна достаточно велика, чтобы передать ее читателям.

Стоун понял главное. Оно заключается в том, что Ван-Гог дал великий урок всем людям искусства. Урок самопожертвования, негибимой прямоты и прекрасной одержимости...

Паустовский сравнивает Ван Гога с Достоевским и с негодованием отвергает попытки свести интерпретацию его позднего творчества к патологии, душевной болезни

Кто-то из писавших о Ван-Гоге назвал его жизнь Голгофой. Он был распят на кресте своей живописи, как Достоевский — на кресте своей прозы.

Не надо пугаться этого сравнения. Оно говорит лишь о таком щедром порыве художника к передаче миру всего прекрасного, живущего в его сердце и разуме, что все существование художника предстает перед нами как тяжкий, мучительный и вместе с тем радостный путь. Путь этот лежит почти на пределе человеческих сил.

Этим объясняется и смерть Ван-Гога. Нет большего лицемерия и низости, чем искать в его конце одну только патологию и сумасшествие. Давно уже сказано, давно уже известно, что искусство требует от художника отдачи всего себя без остатка и сожаления. Только в этом случае художник достигает той необъяснимой силы, которую подчас называют колдовством.

Горячность Паустовского, сам тон его статьи, как и некоторые его мысли на грани крамолы, не прошли незамеченными, и журнал «Искусство» (орган Министерства культуры, Союза художников и Академии художеств) откликнулся полемической заметкой от редакции¹⁴. Главным объектом критики стала фраза из статьи Паустовского, воспринятая как покушение на марксистскую материалистическую теорию отражения и апология «чистого искусства».

¹⁴ Прав ли Паустовский? // Искусство. 1961. № 10. С. 73–74. Все цит. из статьи даны по этому источнику.

Журнал «Искусство» писал:

Здесь нет необходимости давать разбор книги Стоуна или говорить о творчестве Ван-Гога, хотя нельзя не отметить, что в рецензии Паустовского оценка искусства Ван-Гога нам представляется несколько завышенной, а главное — односторонней. Но нельзя пройти мимо некоторых теоретических вопросов искусства, которые нашли в этой рецензии весьма странное толкование. [...] Что означает, например, такое замечание К. Паустовского: «Вся жизнь Ван-Гога является утверждением того, что, вопреки “ложной мудрости”, считающей живопись только с л у ж а н к о й р е а л ь н о с т и, живопись существует как с а м о ц е л ь н о е и великолепное явление в ц е п и д р у г и х явлений действительности» (разрядка наша. — *Ред.*)? Может ли это означать что-либо другое, кроме того, что разделяющий эту мысль человек сомневается в том, что все успехи живописи и искусства вообще достигнуты на пути правдивого реалистического отражения жизни, на основе, если так уж нравится Паустовскому, «служения реальности»? [...] Не странно ли, что советский писатель рассматривает подобные суждения об искусстве как «ложную мудрость»?

Или чего стоит акцентировка искусства как «самоцельного» явления! Даже неловко как-то в разговоре с большим мастером слова отстаивать положения, которые утверждала еще революционно-демократическая критика в полемике с адептами «чистого искусства». И можно ли согласиться с К. Паустовским, усматривающим смысл живописи в ее «самоцельности», в то время как жизненная сила живописи... состоит в том, чтобы по-своему осмысливать действительность, раскрывать ее красоту, воспитывать человека, радовать его.

Если в одном случае К. Паустовский иронизирует по поводу социального назначения искусства, считая возможным говорить о связи искусства с действительностью как о «ложной мудрости», то с другой стороны, он недалек от упрощенного истолкования искусства, рассматривая живопись в одном ряду со всеми явлениями реального мира — «в цепи других явлений действительности»..! [...] Но в соответствии с ленинской теорией отражения, художественный образ — это прежде всего... о т р а ж е н и е действительности, обогащенное мыслью, мировоззрением, эстетическим идеалом художника.

Паустовский в своей статье писал о скептическом и недружелюбном отношении к импрессионистам и Ван Гог, которое встреча-

ется у нас в стране и объясняется мещанскими «замшелыми вкусами и заплесневевшими мыслями»:

У нас есть еще люди, «причисленные» к искусству, которые напоминают хозяйку меблированных комнат, где жил в Москве Левитан. Он задолжал ей, хотел отдать этот долг своими картинами, но она не взяла их потому, что у Левитана не было, по ее словам, «сюжетика». Кому нужен вечный покой северных рек или золотящаяся осень под туманными небесами, если на картинах нет людей, коров, наконец, кур!

Сюжет — вещь великая, но нельзя требовать от всех художников (как и от писателей) общности содержания и формы. Подлинное искусство может существовать лишь при широте взглядов и вкусов.

Журнал «Искусство», почувствовав здесь апологию модернизма с его бессюжетностью и нефигуративностью, поспешил выступить на защиту реализма против «субъективистских вывертов».

[...] не сомнительна ли та, пусть неясная, так сказать, подстрочная ориентация художников и на бессюжетную живопись и литературу? Ведь основные завоевания советского искусства достигнуты именно в сюжетном искусстве. Смазывание, а тем более снятие сюжетности в искусстве — глубоко ошибочно. И по меньшей мере странны намеки К. Паустовского на то, что защитники сюжетности в искусстве будто бы могут уподобиться обывательнице..., ничего не понявшей в искусстве Левитана. Ведь «сюжетик» в понимании мещаночки и сюжет, сюжетное искусство далеко не одно и то же.

«Нам не хотелось бы думать, что большой советский писатель, тонко чувствующий искусство, полностью разделяет взгляды, отразившиеся в его статье», — писала редакция в начале заметки, очевидно, стремясь избежать ярлыка «погромщиков». Однако полемическая «реплика» завершалась по всем законам жанра суровой отповедью в адрес писателя, смущающего умы советской читательской массы:

Очень жаль, что крупный, любимый советскими читателями писатель К. Паустовский утверждает ошибочные, субъективистские суждения, внося тем самым путаницу в умы читателей.

Ответ редакции «Искусства» Паустовскому преследовал, главным образом, цель защитить репутацию Ван Гога, к которому традиционно

хорошо относились в СССР, от подозрений в формализме, субъективизме, декадентстве и прочих «буржуазных извращениях» — а таковые могла пробудить неосторожная статья в «Литгазете», написанная, к тому же, столь крупной литературной величиной, как Паустовский. В период оттепели советская публика активно знакомилась с разными видами художественного эксперимента. Книга о Ван Гогe вышла пять лет спустя после выставки Пикассо в Москве (1956) и за полтора года до посещения Хрущевым выставки авангардистов в Манеже (декабрь 1962), спровоцировавшего очередную кампанию борьбы с «формализмом». Публикация книги Стоуна отвечала запросам и интересам советской аудитории начала 1960-х, но, как это обычно бывало в СССР, задачей сопроводительной статьи и положительных рецензий было представить художника-постимпрессиониста в самом выигрышном свете, обосновав соответствие его творчества требованиям и критериям советского канона. Если статья Муриной (с акцентированием демократизма, народности, даже революционности Ван Гога, его нонконформизма и конфликта с буржуазными нормами и вкусами) свою задачу выполняла, то рецензия Паустовского сразу была воспринята как провокационная — и журнал искусствоведов поспешил исправить этот «промах».

Две книги о столь интересных для читателей творческих личностях (всенародно любимый Джек Лондон и «трагический», «безумный» гений, постимпрессионист Ван Гог), появившиеся друг за другом, сразу сделали Ирвинга Стоуна очень популярным. А в советской печати уже появились сообщения о его новой книге «Муки и радости» (*The Agony and the Ecstasy*, 1961), посвященной «титану Возрождения» Микеланджело.

Мастер биографического романа Ирвинг Стоун написал исполненную страсти книгу о Микеланджело — художнике и человеке. Она достойна встать в один ряд с написанной Стоуном ранее книгой о Винсенте Ван-Гоге. [...] В книге «Муки и восторг» автор старательно воссоздает историческое полотно средневековой Италии. Перед нами проходят Медичи, Леонардо да Винчи, Рафаэль, славные, грубоватые крестьяне и ремесленники, а главное — сам Микеланджело, гений, прошедший через муки, но добившийся признания¹⁵.

¹⁵ Лури С. На обложке 1961 год // Литературная газета. 1961. 27 мая. С. 4.

В октябре 1962 г. Ирвинг Стоун приехал в Советский Союз в рамках так называемого «соглашения Лэйси–Зарубина»¹⁶ — по этой программе визитов и обменов в СССР на рубеже 1950–1960-х гг. побывали несколько американских писательских делегаций, Стейнбек, Олби, Чивер, Апдайк и ряд других авторов. Непосредственно перед Стоуном, в августе–сентябре 1962 г. в Советский Союз приезжал по поручению президента Дж.Ф. Кеннеди с миссией доброй воли живой классик, 88-летний поэт Роберт Фрост, которого принимали с большим размахом¹⁷.

Для Стоуна это была уже не первая поездка по линии Госдепартамента¹⁸, и на этот раз он посещал страны восточного блока и СССР. На тот момент писатель находился на пике своей славы: он был автором почти двух десятков популярных книг, жил в Лос-Анджелесе по соседству со звездами Голливуда в «гламурном», фешенебельном районе Беверли-Хиллз, был президентом гильдии писателей Калифорнии, почетным членом многих обществ, ассоциаций, фондов, членом попечительских советов ряда учебных заведений, неоднократно получал разные награды. В год своего визита в СССР Стоун получил орден «За заслуги перед Итальянской Республикой» за книгу о Микеланджело, стал соучредителем Академии американских поэтов и вместе с женой создал Стоуновскую премию за лучший исторический или биографический роман.

Программа пребывания Стоуна в СССР вполне типична для оттепельного периода. В 1960-е, по сравнению с хорошо изученными «культпоказами» довоенных десятилетий [см., напр.: Дэвид-Фокс 2015, Голубев 2004, Куликова 2013], в ритуалах гостеприимства появляются существенные отличия, отражавшие дух времени. Углубленное изучение «культурной дипломатии», поездок в СССР и советских контактов зарубежных писателей в 1950–1980-е гг. начато сравнительно недавно [см., напр.: Советская культурная дипломатия 2018, Буйнова 2021, Голубцова 2023], однако общий контекст уже

¹⁶ Соглашение между СССР и США об обменах в области культуры, техники, науки и образования, подписанное 27 января 1958 г. в Вашингтоне послом СССР Г.Н. Зарубиным и специальным помощником государственного секретаря США У.С. Лэйси.

¹⁷ Об этой поездке см., напр.: *Рив Ф. Роберт Фрост в России: Фрагменты из книги / пер. с англ. Л. Мотылевой // Иностранная литература. 2000. № 5. С. 197–226; Udall, Stewart L. “Robert Frost’s Last Adventure.” *New York Times*. June 11, 1972; [Толмачев 2009: 36–37].*

¹⁸ В 1958 г. по линии Госдепартамента Стоун ездил в Турцию и Грецию.

вырисовывается достаточно ясно. Прежде всего, следует отметить смену институции, отвечавшей за прием гостя. В довоенные годы сопровождением иностранных писателей, деятелей науки и культуры занималось Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС, 1925–1958) в сотрудничестве с «Интуристом». Программы были в большей степени «производственно ориентированными» и нацеленными на показ экономических и социальных достижений советского строя — наряду с походами в музеи и театры они обязательно включали посещения заводов, строек, колхозов, больниц, пенитенциарных заведений, встречи с директорами предприятий, профсоюзными и партийными работниками, ударниками труда. Даже встречи с читателем обычно проводились на базе трудовых коллективов крупных предприятий.

К 1960-м гг. роль принимающей стороны для приема зарубежных литераторов взял на себя Союз писателей. Сопровождать гостей поручалось теперь не гидам-переводчикам, а консультантам Иностранной комиссии, специалистам по зарубежным литературам, литературным критикам и переводчикам (как, например, Л. Копелев, И. Зорина, Г. Брейтбурдт, Ф. Лурье и др.). Гостей почти не возят по предприятиям, колхозам, больницам и тюрьмам, зато программа предусматривает посещение исторических и культурных достопримечательностей (Ясная Поляна, Троице-Сергиева лавра в Загорске, дом Чайковского в Клину и т. п.), музеев, театров. Писатели бывают в университетах, Академии наук, издательствах, редакциях журналов и газет («Иностранная литература», «Новый мир», «Юность», «Литгазета» и др.). Возникает традиция вечеров в Центральном доме литераторов, домашних визитов — обедов и ужинов на квартирах и дачах у советских писателей, критиков и переводчиков.

Соответствие программы пребывания Стоуна новому, «оттепельному» стандарту культпоказов заметно по репортажам в прессе о его визите. «Литгазета», например, сообщала:

Замечательный американский писатель Ирвинг Стоун приехал по приглашению Союза писателей СССР в Советский Союз. Он уже познакомился с достопримечательностями Москвы, совершил поездку в Ясную Поляну. В Центральном Доме литераторов состоялась встреча Ирвинга Стоуна с советскими писателями.

На днях Ирвинг Стоун выехал в поездку по Советскому Союзу. За месяц, проведенный в нашей стране, он посетит Ленинград. Киев,

Тбилиси, Ташкент, Самарканд, познакомится с жизнью советских людей¹⁹.

Стоуна принимал Союз писателей; от Инокомиссии его сопровождал Виктор Борисович Рамзес, на тот момент студент-пятикурсник Института восточных языков МГУ, впоследствии известный переводчик и специалист по африканским литературам. Американское посольство окружило литературную знаменитость вниманием и заботой: как сообщал в своем отчете В. Рамзес, посол США Фой Дэвид Колер организовал торжественный прием в честь гостя, на котором присутствовали советские писатели (в т. ч. А. Твардовский, Л. Леонов, В. Розов); Стоун ежедневно бывал в посольстве. Маршрут путешествия включал, кроме Москвы и Ленинграда, Киев, Тбилиси, Ташкент, Самарканд и Бухару — последние два города с богатой историей и многочисленными достопримечательностями особенно интересовали гостя. Рамзес подробно описывает в своем отчете разные накладки, организационные и психологические препятствия, которые приходилось преодолевать во время путешествия по стране. Однако главной трудностью для него стал характер гостя, которого он описывает как высокомерного эгоцентрика, страдающего манией величия, недружелюбно настроенного к СССР и при этом невежественного во всем, что касается советской культурной и литературной жизни. С иронией сообщает Рамзес о том, что Стоун «совершенно ничего не знает о современной советской литературе» и потому «ежечасно попадал впросак» во время встреч и бесед, что «Госдепартамент снабдил его списком современных советских писателей, известных в США, но всякий раз он забывал его дома»²⁰. Ирвинг Стоун был знаком с русской литературой, в особенности с творчеством Достоевского и Толстого, но Россия и Советский Союз никогда не были предметом его особых интересов, и вполне вероятно, что его представления о современной советской литературе были весьма туманными.

Американский гость объявил, что главной целью его приезда являются встречи с писателями и читателями, но при этом «честолюбивого Стоуна волновало лишь их количество». С негодованием

¹⁹ Коткин Б. Наш гость Ирвинг Стоун // Литературная газета. 1962. 16 октября. С. 2.

²⁰ Все цит. из отчета В. Рамзеса приводятся по Приложению к статье.

пишет Рамзес о скандале, который американец устроил в Ленинграде, где «на встречу с ним пришли всего пять писателей»: Стоун грозился пожаловаться в Госдеп, что советская сторона саботирует договор, не выполняет своих обязательств и «скрывает его от советских людей». Подозрения Стоуна укрепились, когда в Киеве была отменена ранее запланированная встреча со студентами. Писатель отправил в Москву большой «меморандум» с требованиями организовать ему по возвращении многочисленные и представительные встречи с писателями, публичные лекции с объявлениями в прессе. Совершенно очевидно, что свою поездку Стоун воспринимал прежде всего как «рекламное турне», которое должно соответствовать уровню его популярности в стране и способствовать росту интереса к его творчеству. Об этом свидетельствует и отчет переводчика, который отмечал:

Стоун очень доволен популярностью своих книг в нашей стране. [...] Стоун поднимал перед «Молодой гвардией» и Гослитиздатом вопрос о повторных тиражах его книг. Это показывает, что И. Стоун заинтересован в сотрудничестве с советскими издательствами и Союзом писателей СССР.

Зная о том, что в СССР только что вышли две его книги, а третья готовится к публикации, Стоун, исходя из тиражей (а советские тиражи, как известно, были несопоставимы с американскими), пришел к резонному выводу о том, что по каким-то причинам ему перекрывают доступ к огромным читательским массам и скрывают его от миллионов советских поклонников его творчества. К тому же он своими глазами наблюдал феномен невероятного интереса к поэзии — выступления поэтов на стадионах, в больших залах перед тысячами людей. Стоун, после визита в СССР ставший со-основателем Академии американских поэтов, вспоминал об этом удивительном явлении:

Я присутствовал на литературном вечере в Москве. Поэты читали стихи, и несколько тысяч людей встречали их выступления овацией — так велик был царивший в зале эмоциональный накал. Я не могу представить себе ничего подобного в Америке²¹.

²¹ Стоун И. Время бросает вызов // Литературная газета. 1969. 1 октября. С. 13.

Хорошо владевший искусством саморекламы, Стоун демонстрировал советской стороне наглядные доказательства своего успеха — признания и богатства, которых он достиг собственным талантом и трудом. Он не считал зазорным рассказывать о том, что живет в легендарном и роскошном Беверли-Хиллз по соседству со звездами Голливуда, и показывать цветную фотографию своего нового дома, «обошедшего всего в 50 тыс. долларов». Этот дом Стоун купил только что — в 1961 г., по возвращении из Италии, где он жил несколько лет (с 1956 г.), работая над книгой о Микеланджело, и его желание продемонстрировать свое приобретение окружающим по-человечески понятно; кроме того, такое поведение было частью «саморекламы». Рамзес же воспринимает «постыдно нарочитую демонстрацию «просперити»» как еще одно доказательство мещанства, эгоцентризма и мегаломании, присущих надменной литературной знаменитости («Псих, мания величия в острой форме!»).

Приезд Стоуна в СССР совпал с карибским кризисом (16–29 октября 1962), и Рамзес зафиксировал в отчете «спесивое» заявление писателя, что «США не могли терпеть происходящего, и он уже давно ждал от президента решительных действий». Однако подобные высказывания Стоун делал только в частных беседах с принимающими лицами, а в публичных выступлениях не касался политики и не демонстрировал своей «открытой предубежденности» и «американского патриотизма». Более того, оценки увиденного в СССР, сделанные публично, в основном были самые положительные — Стоун подчеркивал успехи страны в разных областях экономики, строительства, достижения в национальной политике, в культуре, образовании, говорил о дружелюбии и миролюбии советских людей, их тяге к знаниям, общительности и сердечности.

Ирвинг Стоун гордился популярностью своих книг

Рамзес с удовлетворением констатировал, что визит в Советский Союз был для Стоуна весьма познавательным: он узнал немало о советской литературе (в частности, переводчик особо отмечает знакомство американца с С.П. Бородиным, автором «Самаркандской трилогии», состоявшееся во время поездки в Узбекистан), а также о советской живописи, что помогло гостю победить предубежденность («говоря о советской живописи, он твердил, что, по его мнению, она стагнирует, и намекал на то, что склонен объяснять это политическими причинами»). Стоун побывал в студии Э. Неизвестного, в Третьяковской галерее, познакомился с работами молодых российских и грузинских художников — и «после этого он уже не мог столь рьяно ругать наше изобразительное искусство».

Свой отчет Рамзес завершает оптимистичным выводом: Стоун, «фигура, довольно влиятельная в США», член множества комитетов, жюри и т. п., «в общем, положительно оценивает итоги своего визита в СССР и готов продолжить контакты в будущем».

Контакты действительно продолжились. Стоун поддерживал переписку с Союзом писателей до конца жизни²², участвовал в крупных столах советских и американских писателей. Эта общественная инициатива началась с московской писательской встречи 1977 г., и затем круглые столы проходили в разных городах — в Нью-Йорке, Батуми, Киеве, Лос-Анджелесе²³. Они носили не только литературный характер, но преследовали общественно-политические цели: укрепление взаимопонимания посредством культурных контактов и борьба за безъядерный мир. Стоун побывал на пятой, киевской встрече в июле 1982 г.²⁴, участвовал и в калифорнийских встречах 1984-го и 1986 гг. В статью о круглом столе писателей, состоявшемся в Лос-Анджелесе и Сан-Диего в декабре 1986 г., Я.Н. Засурский включил «мини-интервью» о борьбе за мир, взятое им у Ирвинга Стоуна, и с удовлетворением констатировал, что «старейший и всемирно известный американский

²² В архиве писателя в библиотеке Калифорнийского университета (Bancroft library) сохранилась переписка Стоуна с Союзом писателей за 1963–1987 гг. (См.: Irving Stone Papers, 1923–1990s. <https://oac.cdlib.org/findaid/ark:%2F13030%2Fkt067nc3q6>)

²³ См. об этом, напр., публикации участника этих встреч: [Федоренко 1982, Федоренко 1984], *Федоренко Н.* Казалось бы, простые истины...Заметки о шестой встрече советских и американских писателей // Литературная газета. 1984. 6 июня. С. 15.

²⁴ См. об этом: [Федоренко 1982]; *Драч И.* Думая о будущем. Заметки писателя // Правда. 1984. 1 мая. С. 3.

писатель, чьи книги переведены на многие языки и очень популярны в нашей стране, верит в возможность безъядерного мира»²⁵.

В советской печати появлялись интервью писателя²⁶, высказывания и воспоминания советских писателей о Стоуне²⁷ и *vice versa*²⁸. И конечно, Стоун всегда фигурировал в тематических публикациях, посвященных жанрам биографии / автобиографии, биографического романа, биографической повести. Цитировалось его авторитетное мнение²⁹, появлялись его статьи о биографических жанрах³⁰, в том числе была переведена и напечатана его лекция «Биографическая повесть», прочитанная в Библиотеке Конгресса США³¹. Издавались и переиздавались его книги.

Во время визита писателя в 1962 г. ему говорили, что его новая книга о Микеланджело выйдет в ближайшее время. Однако это произошло нескоро — через девять лет, хотя сообщения о выходе книги и рецензии на американское издание вышли оперативно, в 1961 г.³², а в 1964-м фрагменты романа «В муках и радостях» (в переводе Н. Банникова) появились в нескольких периодических изданиях³³. В 1965 г. в США был снят фильм — историческая драма «Муки и радости» на основе книги Стоуна³⁴. В СССР на это событие отреагировали сразу: Стоуну написал кинокритик, театровед, переводчик Ян Ана-

²⁵ Засурский Я. Диалог продолжается. Будущее литературы в безъядерном мире // Литературная газета. 1987. 14 декабря. С. 14.

²⁶ Ирвинг Стоун: «Я думаю о мире» // Литературная газета. 1983. 13 июля. С. 9.

²⁷ Розов В. Самое прекрасное на земле — это добрые отношения // Литературная газета. 1980. 14 мая. С. 9; Дангулов С. Что может писатель // Правда. 1982. 29 ноября. С. 6.

²⁸ См. в мемориальной подборке памяти Шолохова: Стоун И. о М. Шолохове // Литературная газета. 1984. 29 марта. С. 5.

²⁹ См. статью В. Прудоминского в составе тематической подборки «Литгазеты» «Биографическая литература: критика, были и небылицы, опыт, проблемы, задачи», в которой цитируется высказывание Стоуна о различии между биографией и биографической повестью: Прудоминской В. Прошлое без грима // Литературная газета. 1975. 29 октября. С. 5.

³⁰ Стоун И. Время бросает вызов.

³¹ См. примеч. 1.

³² Лури С. На обложке 1961 год; [Банников 1961].

³³ Литературная газета. 1964. 18 февраля; Семья и школа. 1964. № 2; Литературная Россия. 1964. 10 июля.

³⁴ Фильм был снят британским режиссером Кэролом Ридом по сценарию Филипа И. Данна, производство компании “International Classics”, прокат — компания “20th Century Fox”.

тольевич Березницкий (1922–2005), сотрудник журнала «Искусство кино», с просьбой подготовить для журнала статью в связи с выходом фильма, в которой желательно было бы затронуть и общие вопросы, «связанные со взаимоотношениями кино и литературы».

Ваша статья представила бы для нас тем больший интерес, что проблемам экранизации произведений прозы, вопросам взаимных связей (или отталкиваний) кино и литературы наш журнал всегда уделяет самое пристальное внимание.

Вы, конечно, знаете об огромном успехе, которым пользуются в нашей стране Ваши произведения. Ваш рассказ о работе над фильмом *The Agony and the Ecstasy*, о том, сколь полно удалось режиссеру воплотить Ваш замысел, был бы очень интересен для наших читателей³⁵.

Стоун откликнулся на эту просьбу и в ответном письме кратко изложил свои взгляды на кинематограф:

Я — романист, и как таковой интересуюсь в основном проблемами изложения сюжета. [...] С точки зрения писателя-автора сюжета искусство кино должно быть направлено на возможно более яркую передачу на экране литературного замысла. Должен признаться, что в этом плане меня гораздо больше интересуют поступки персонажей на экране, нежели операторские и режиссерские приемы, световые эффекты или иные технические аспекты фильма.

Я знаю, что новое направление мировой современной кинематографии, возникшее в Италии и Франции и получившее свое дальнейшее развитие в Англии и других странах, состоит в том, что передача сюжета целиком возлагается на кинокамеру; сюжет приобретает подчас новый, специфически-кинематографический характер, причем не уделяется должного внимания показу первостепенной значимости людей... [...] Моя же точка зрения как раз противоположна³⁶.

Пояснив, что он не поклонник современного экспериментального поиска в кинематографе, Стоун рассказал о том, как он боролся

³⁵ Я. Березницкий — И. Стоуну. Б.д. [ноябрь–декабрь 1965]. РГАЛИ. Ф. 2912. Оп. 2. Ед. хр. 42. Л. 8. Рус. маш. с правкой.

³⁶ И. Стоун — Я. Березницкому. 31 декабря 1965 г. Там же. Л. 9–10. Маш. коп. Документ на рус. яз. Англ. оригинал письма — там же, лл. 1–3.

с «режиссерским планом» фильма о Микеланджело, выдержанного в духе передовых достижений киноискусства, за сюжетность, и какой компромисс был в итоге достигнут. К письму прилагалась «литературная разработка» Стоуна — написанный им сценарный план вступительной сцены для фильма, который не был принят режиссером и продюсерами. Стоун предложил опубликовать его письмо и сценарную разработку в журнале — но публикация эта так и не состоялась.

В конце своего письма Березницкому Стоун интересовался судьбой русского издания книги о Микеланджело:

Не могли бы Вы также сделать мне очень большое одолжение и узнать, когда будет опубликована в Советском Союзе книга «Муки и восторги»? Во время моего пребывания в Москве в 1962 году перевод книги шел полным ходом, и я полагаю, что книга уже готова к изданию. Если бы Вам удалось достать для меня экземпляр, я был бы очень благодарен Вам...³⁷

Книга вышла только в 1971 г.³⁸, зато сразу же, на следующий год, появилось прекрасное адаптированное издание для детей и юношества со статьей Аси Кантор-Гуковской³⁹. Статья посвящалась Микеланджело, и только в заключительном параграфе говорилось об авторе книги, Ирвинге Стоуне:

Книга американского писателя Ирвинга Стоуна по своему литературному жанру — биографический роман, где вполне допустим известный авторский вымысел. Однако вымысла в собственном смысле слова здесь почти нет... [...] Правда, некоторые оценки исторических событий в книге Стоуна не всегда можно принять безоговорочно — такова, например, характеристика Лоренцо Медичи, в политике которого автор видит лишь положительные черты, в то время как деятельность Савонаролы он воспринимает только как

³⁷ Там же. Л. 13.

³⁸ *Стоун И.* Муки и радости. Роман о Микельанджело / пер. с англ. и предисл. Н. Банникова. М.: Худож. лит., 1971.

³⁹ *Стоун И.* Микельанджело / пер. с англ. Г. Льва, послесл. А. Кантор-Гуковской. М.; Л.: Детская литература, 1972. Ася Соломоновна Кантор-Гуковская (? – 2008) — искусствовед, кандидат наук, жена известного искусствоведа М.А. Гуковского.

резко отрицательное явление. Действительность была гораздо сложнее. [...] Однако в целом концепция автора не вызывает возражений. Он тщательно изучил литературу, источники, и даже сам обучился ремеслу скульптора. Результатом восьмилетней работы Стоуна над творческой биографией художника явилась большая книга «Муки и радости», а в дальнейшем он сделал сокращенный вариант этого произведения для юношества; этот вариант и предлагается в настоящем переводе⁴⁰.

Примечательно, что здесь критика неверных установок «буржуазного писателя» дана в предельно смягченном виде, так что она, можно сказать, практически отсутствует. Совсем нет ее в предисловии к «большой книге». Статья Н.В. Банникова к «взрослому» изданию исключительно хвалебная, в ней явно выражено восхищение американским писателем — его знаниями, работоспособностью, талантом. Банников начинает статью с характеристики эпохи Возрождения в марксистском духе, с цитатами из Маркса-Энгельса, и сообщает, что на этом фоне Стоун и рисует портрет Микеланджело — тем самым «помогая автору», как бы добавляя идейно выдержанную интерпретацию Ренессанса (вместо того, чтобы порицать автора за ее отсутствие в книге).

Разбирая книгу о Микеланджело, Банников подчеркивает преимущество в работе писателя, указывает на черты сходства с уже известными читателю биографическими повестями о Лондоне и в особенности о Ван Гогге: «Здесь та же неторопливая обстоятельная интродукция, та же бытовая мозаика, подготавливающая очередной конфликт и взрыв, те же... лапидарные концовки глав»⁴¹. Далее критик излагает стоуновскую концепцию биографического романа, цитируя его «оксфордскую лекцию», и подробно останавливается на истории создания книги о Микеланджело, подчеркивая вложенный в нее громадный труд и эрудицию писателя, использовавшего уникальные, доселе не публиковавшиеся материалы; особо отмечает критик тот факт, что, работая над романом, Стоун подготовил первое издание писем Микеланджело на английском языке.

В заключительной части вступительной статьи Банников вспоминал о приезде Стоуна в Москву:

⁴⁰ Кантор-Гуковская А. Послесловие // Стоун И. Микельанджело. С. 187.

⁴¹ Банников Н. Предисловие // Стоун И. Муки и радости. С. 7.

Осенью 1962 г. Ирвинг Стоун посетил Советский Союз, гостил в Москве. Подвижный, веселый, с горячими карими глазами, он говорил москвичам о своих планах написать еще добрый десяток повестей и романов, посвященных замечательным людям прошлого. Во всех его беседах и выступлениях сквозило благоговейное отношение к человеческому знанию и духу, кристаллизованному в книге. [...] Писатель, библиотекарь и особенно читатель — фигуры для Стоуна первостепенные. О широком, доброжелательном и понимающем читателе он мечтает и очень дорожит им, не находя, видимо, его в должной мере у себя на родине⁴².

«Доброжелательные и понимающие» советские читатели, в том числе и читатели профессиональные (литературные критики), продолжали следить за творчеством Стоуна и его новыми книгами. На следующее крупное сочинение писателя в жанре биографического романа о Зигмунде Фрейде «Страсти ума» (*The Passions of Mind*, 1972) появилась рецензия — уважительная и хвалебная, несмотря на то что Фрейд не входил в число авторов, разрешенных в СССР для широкого читателя. Литературовед-американист, критик и переводчик Н.М. Пальцев отмечал в книге фирменный стиль работы

⁴² Там же. С. 10.

Стоуна-биографа: «достоверность реалий, конкретных примет места действия и эпохи, являющуюся результатом долгих предварительных изысканий» (продолжавшихся целых шесть лет), стремление «постичь внутренний мир и эволюцию научно-философского мышления» Фрейда, колоссальные «масштабы проделанного И. Стоуном “археологического” труда» [Пальцев 1974: 48], отразившиеся в библиографии, насчитывающей тысячу позиций, а также художественные достоинства книги. Однако было ясно, что книга Стоуна на такую тему никогда в СССР опубликована не будет⁴³ — и этому требовалось объяснение. В заключительной части рецензии критик указал на недостатки книги, затрудняющие ее восприятие — некоторую монотонность повествования, «перенасыщенность подробностями»; но главное — дефицит гуманизма: «роману [...] недостает того напряженного пафоса гуманистического подвижничества, какой присущ лучшим из прежних “романизированных биографий” Ирвинга Стоуна» [Пальцев 1974: 50]. Выражая надежду на то, что следующая книга будет более удачной (т. е. пригодной для опубликования в СССР), критик в заключение аттестовал Стоуна как «романиста большого и самобытного таланта» [Пальцев 1974: 50].

Панегириком Стоуну стал и некролог, опубликованный в советской прессе:

Советские писатели глубоко опечалены кончиной Ирвинга Стоуна, известного в СССР талантливого американского писателя. Книги Ирвинга Стоуна пользуются в нашей стране большой любовью и популярностью. Его гуманистические идеалы и устремления близки и дороги всем людям доброй воли. Богатое литературное наследие Ирвинга Стоуна по праву войдет в сокровищницу мировой культуры. Этот обаятельный, щедрой души, высокоодаренный человек был нашим другом. Таким будем помнить его всегда⁴⁴.

Так Ирвинг Стоун посмертно был причислен к лику писателей-друзей СССР.

⁴³ Книга Стоуна о Фрейде вышла в постсоветское время: *Стоун И. Страсти ума, или Жизнь Фрейда* / сокр. пер. с англ. И.Г. Усачева. М.: Мысль, 1994; полн. перевод — 1998. Впоследствии книга несколько раз переиздавалась в 2000–2020-х гг.

⁴⁴ Литературная газета. 1989. 13 сентября. С. 15.

ЛИТЕРАТУРА

Банников 1961 — Банников Н. Ирвинг Стоун. Муки и восторг. Повесть о Микельанджело [Рец.] // Современная художественная литература за рубежом. Информационный бюллетень. М.: ВГБИЛ, 1961. № 2. С. 55–56.

Буйнова 2021 — Буйнова К.Р. «Типичные буржуазные интеллигенты» и «большие друзья Советского Союза»: писатели Латинской Америки в СССР времен оттепели // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 3. С. 162–176.

Голубев 2004 — Голубев А.В. «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии. М.: ИРИ РАН, 2004.

Голубцова 2023 — Голубцова А.В. Итальянские гости СССР. Русский и советский миф в травелогах итальянских писателей. М.: Литфакт, 2023.

Дэвид-Фокс 2015 — Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Куликова 2013 — Куликова Г.Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов. Очерки документированной истории. М.: ИРИ РАН, 2013.

Пальцев 1974 — Пальцев Н. Ирвинг Стоун. Страсти интеллекта [Рец.] // Современная художественная литература за рубежом. Информационный сборник. Обзоры. Рецензии. Аннотации. М.: Прогресс, 1974. № 2 (104). С. 48–50.

Советская культурная дипломатия 2018 — Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны. 1945–1989 / отв. ред. О.С. Нагорная. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

Толмачев 2009 — Толмачев В.М. Творчество Р. Фроста и его стихотворение «Зимним вечером у леса» // Вестник ПСГТУ. Серия III «Филология». 2009. № 4 (18). С. 34–55.

Федоренко 1984 — Федоренко Н. Калифорнийские контрасты (К итогам конференции советских и американских писателей) // Вопросы литературы. 1984. № 9. С. 29–50.

Федоренко 1982 — Федоренко Н. Продолжение диалога (Пятая встреча советских и американских писателей) // Вопросы литературы. 1982. № 11. С. 49–70.

REFERENCES

Bannikov 1961 — Bannikov, Nikolay. “Irving Stone. Muki i vostorg. Povest’ o Mikel’andzhelo” [“Irving Stone. The Agony and the Ecstasy. A Review”] *Sovremennaiia hudozhestvennaia literatura za rubezhom. Informacionnyi biulleten’* [Contemporary Fiction Abroad. Information Bulletin]. Moscow: VGBIL Publ., no. 2 (1961): 55–56. (In Russ.)

Brown 1962 — Brown, Deming. *Soviet Attitudes Toward American Writing*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1962.

Buinova 2021 — Buinova, Kristina R. “‘Tipichnye burzhuaznye intelligenty’ i ‘bol’shie druzia Sovetskogo Soiuz’: pisateli Latinskoi Ameriki v SSSR vremeni

ottepeli” [“‘Typical Bourgeois Intellectuals’ and ‘Great Friends of the Soviet Union’: Latin American Writers in the USSR During the Thaw”]. *Koncept: filosofija, religija, kul'tura* 3 (2021): 162–176. (In Russ.)

Golubev 2004 — Golubev, Aleksandr V. “Vzgliad na zemliu obetovannuiu”: iz istorii sovetskoi kul'turnoi diplomatii [“A Look at the Promised Land”: From the History of Soviet Cultural Diplomacy]. Moscow: IRH RAS Publ., 2004. (In Russ.)

Golubtsova 2023 — Golubtsova, Anastasia V. *Italianskie gosti SSSR. Russkii i sovetskii mif v travelogah italianskih pisatelei* [Italian Guests of the USSR. Russian and Soviet Myth in the Travelogues of Italian Writers]. Moscow: Litfact Publ., 2023. (In Russ.)

David-Fox 2015 — David-Fox, Michael. *Vitriny velikogo eksperimenta. Kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. (In Russ.)

Fedorenko 1984 — Fedorenko, Nikolay. “Kaliforniiskie kontrasty (K itogam konferencii sovetskikh i amerikanskikh pisatelei)” [“Californian Contrasts (On the Results of the Conference of Soviet and American Writers)”]. *Voprosy literatury*, no. 9 (1984): 29–50. (In Russ.)

Fedorenko 1982 — Fedorenko, Nikolay. “Prodolzhenie dialoga (Piataia vstrecha sovetskikh i amerikanskikh pisatelei)” [“Continuation of the Dialogue (Fifth Meeting of Soviet and American Writers)”]. *Voprosy literatury*, no. 11 (1982): 49–70. (In Russ.)

Kulikova 2013 — Kulikova, Galina B. *Novyi mir glazami starogo. Sovetskaia Rossia 1920–1930-h godov glazami zapadnykh intellektualov. Ocherki dokumentirovannoi istorii* [The New World Through the Eyes of the Old. Soviet Russia of the 1920s and 1930s Through the Eyes of Western Intellectuals. Essays on Documented History]. Moscow: IRH RAS Publ., 2013. (In Russ.)

Paltsev 1974 — Paltsev, Nikolay. “Irving Stoun. Strasti intellekta” [“Irving Stone. Passions of the Intellect. A Review”]. *Sovremennaiia hudozhestvennaia literatura za rubezhom. Informacionnyi sbornik. Obzory. Recenzii. Annotacii* [Contemporary Fiction Abroad. Information Collection. Reviews. Criticisms. Annotations]. Moscow: Progress Publ., 1974, no. 2 (104): 48–50. (In Russ.)

Soviet Cultural Diplomacy 2018 — *Sovetskaia kul'turnaia diplomatiia v usloviakh holodnoi voiny. 1945–1989* [Soviet Cultural Diplomacy during the Cold War. 1945–1989]. Edited by O.S. Nagornaya. Moscow: Political Encyclopedia Publ., 2018. (In Russ.)

Tolmatchoff 2009 — Tolmatchoff, Vassili M. “Tvorchestvo R. Frosta i ego stihotvorenie ‘Zimnim vecherom u lesa’” [The Works by R. Frost and His Poem ‘Stopping by Woods on a Snowy Evening’]. *Vestnik PSTU. Series III “Philology,”* no. 4 (18) (2009): 34–55. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

**1. ОТЧЕТ
о пребывании в СССР американского
писателя Ирвинга Стоуна
(1–29 октября 1962)**

С 1 октября 1962 года в соответствии с Соглашением о культурном обмене между СССР и США¹ в Советском Союзе в качестве гостя Союза писателей СССР находился американский писатель Ирвинг Стоун с супругой. Мне было поручено Иностранной комиссией СП СССР сопровождать их в поездке по стране.

И. Стоун — автор многих биографических романов, в том числе переведенных в СССР книг — «Жажда жизни» и «Моряк в седле»².

Кроме Москвы Стоуны выразили желание побывать в Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Ташкенте, Самарканде и Бухаре.

И. Стоун совершает сейчас обширную поездку по линии Госдепартамента по странам Европы и Азии. Он довольно открыто рассказывал о своем тесном сотрудничестве с Госдепартаментом, во время пребывания в Москве ежедневно навещался в посольство США. Посол США в СССР Ф. Колер³ и культурный атташе Стейплс уделяли Стоуну повышенное внимание. Колер устроил в его честь прием (с советской стороны присутствовали Л. Леонов, А. Твардовский и В. Розов), дважды принимал его у себя. Стейплс разговаривал со Стоуном по телефону во время пребывания последнего в Ленинграде и Киеве. Стоун рассказывал, что вся его поездка финансируется Госдепартаментом. Однако в СССР расходы Стоуна и супруги принял на себя Союз писателей, хотя посольство поначалу противилось этому. Но Стоун сам настаивал перед Вашингтоном на принятии взаимного «безвалютного» принципа, потому что видел в этом большие удобства для себя. В конце концов посольство приняло эти условия. Однако в конце пребывания в СССР Стоун передал мне, что он получил указание Стейплса возместить из своих гонораров расходы г-жи Стоун. Стейплс сказал ему, что поскольку советские писатели ездят в США без жен, Стоун должен оплатить расходы супруги⁴. Однако Союз писателей отказался принять деньги от Стоуна. Тогда у него возникла идея использовать эти деньги для учреждения ежегодной премии лучшему литературному произведению года, способствующему сближению народов СССР и США.

В посольстве же ему предложили «не сужать рамки премии» и давать ее за лучшее произведение молодого писателя, отказавшись от критерия дружбы СССР и США. Стоун попросил В.С. Розова стать членом жюри этой премии и передать такое же предложение А. Твардовскому и Л. Леонову. Деньги он оставил на хранение у культурного атташе Стейплса, который, якобы, готов немедленно передать их в распоряжение жюри. Не страдающий скромностью Стоун полагал уместным назвать премию его именем⁵.

По приезде в СССР Стоун заявил, что его главной целью является встретиться с предельно большим количеством писателей и читателей. Что касается писателей, то честолюбивого Стоуна волновало лишь их количество, а не значимость. Дело в том, что Стоун совершенно ничего не знает о современной советской литературе. Он ежечасно попадал впросак. Кроме имени Шолохова, он с большим трудом может еще произнести имена Пастернака и Евтушенко. На встречах с читателями Стоун без смущения отвечал, что Госдепартамент снабдил его списком современных советских писателей, известных в США, но всякий раз он забывал его дома. О советских писателях, по признанию Стоуна, он слышит лишь в том случае, когда вокруг их работ возникают разногласия, немедленно находящие освещение в американской прессе. Так, Евтушенко он знает лишь как автора «какого-то стихотворения против антисемитизма».

Поэтому, когда в Ленинграде на встречу с ним пришли всего пять писателей (Л. Успенский, Н. Браун, Комиссарова⁶, Гранин), Стоун разразился критикой в адрес Савицкого⁷, пообещал сообщить в Госдепартамент о том, что «русские не выполняют своих обязательств по культурному соглашению и скрывают его, Стоуна, от советских людей».

Он попросил меня передать в Москву «меморандум», состоящий из множества пунктов, содержащих требования широких встреч с писателями, публичных лекций с объявлениями в газетах и т. п.

Пребывание в Киеве прошло благополучно, за исключением одного неприятного происшествия. Прямо на аэродроме Стоуну сказали (Л. Вышеславский⁸ и П. Казимиров), что он встретится со студентами и даже сообщили время встречи. Позже встречу отменили, и Стоун не преминул снова высказать свои подозрения.

В Тбилиси, несмотря на посланную мною из Киева телеграмму и несмотря на то, что Москву я также поставил в известность о времени нашего прилета в Тбилиси, Стоуна не ждали. Нас не встречали,

не были заказаны комнаты в гостинице. Однако радушие И. Нонешвили⁹, его энтузиазм и неутомимость заставили Стоуна забыть о том, что он сам назвал «специально задуманным ударом по его достоинству». За три дня Стоун успел довольно обширно познакомиться с жизнью Грузии, и в интервью с корреспондентами тбилисских газет и радио Стоун тепло отзывался о днях, проведенных в Тбилиси, об успехах Грузинской ССР, о теплоте и гостеприимстве людей. В Тбилиси Стоун обещал грузинским писателям приложить усилия к изданию в США антологии современной грузинской прозы и поэзии. Представляется целесообразным поддержать эту идею, тем более что Стоун готов взять на себя перевод, предоставляя составление сборника целиком грузинским писателям.

В Ташкенте на Стоуна произвел глубокое впечатление вечер, проведенный в доме С.П. Бородина¹⁰. Стоун из-за собственного неведения искренне верящий в то, что он является создателем и чуть ли не единственным представителем жанра биографического романа, был поражен, ознакомившись с темами книг С. Бородина и увидев на полках их английские, немецкие и другие зарубежные издания. Он попросил С. Бородина по завершении трилогии «Звезды над Самаркандом» прислать ему книгу. Стоун обещал найти хорошего переводчика и оказать влияние на своего издателя с тем, чтобы напечатать ее в США.

Стоун и его супруга буквально рвались в Самарканд и Бухару. Мы совершили поездки в эти города. Однако с организационной точки зрения они были устроены чрезвычайно плохо. Секретарь Правления Союза писателей Узбекистана Р. Бабаджан¹¹ обрушился на меня за то, что СП СССР не переводит ему денег на расходы делегаций на поездки в Самарканд и Бухару. Он сказал мне, что не сможет финансово организовать эти поездки. Но все же забрал у меня все гарантийные письма и пообещал дать ответ вечером в доме у С. Бородина. Вечером тов. Бабаджан на мой вопрос ответил, что с Самаркандом все улажено, что следующим утром мы можем туда лететь и что он посылает с нами в качестве сопровождающего писателя Н. Ахунди¹².

Прилетев в Самарканд, я узнал, что тов. Бабаджан просто сообщил в отделение СП Самарканда о нашем приезде, но финансового вопроса не урегулировал. Я позвонил тов. Бабаджану в Ташкент и спросил его, как мне поступать. Он ответил, что денег в ташкентском отделении СП нет, помочь он мне не может и что этим

же вечером мы должны вернуться в Ташкент. После этого он повесил трубку. Чтобы расплатиться за проживание в Самарканде, мне пришлось занять денег у Стоуна. Стоун в беседе с Н. Ахунди и со мной категорически отказался возвращаться в Ташкент, не повидав Бухары. Все наши реальные и вымышленные доводы не помогли. Стоунам тем более хотелось побывать в Бухаре, что в Самарканде они познакомились с двумя женами сотрудников посольства США, которые собирались лететь туда. Мне не представлялось возможным идти на обострение со Стоуном, тем более что поездка в Бухару была оговорена еще в Москве. Ахунди вернулся в Ташкент, а Стоуны и я вылетели в Бухару и провели там сутки. Расплачивались также наличными деньгами. Начальник отдела «Интуриста» сказал мне, что мог бы предоставить нам обслуживание за безналичный расчет, если бы у меня было гарантийное письмо. Но письмо осталось у тов. Бабаджана.

По приезде в Ташкент тов. Бабаджан заявил мне, что, по его мнению, я самовольно повез Стоуна в Бухару. Он сказал, что со мной хочет переговорить по этому поводу работник ЦК КП Узбекистана тов. Гулямова. При встрече с тов. Гулямовой, в присутствии Бабаджана и Ахунди, я рассказал ей все обстоятельства, изложенные выше. Она попросила меня передать в Союз писателей СССР, чтобы впредь узбекских товарищей полнее заранее информировали о пожеланиях иностранных гостей.

Стоун вернулся в Москву 25 октября в разгар кубинского кризиса. Хотя публично Стоун до этого не высказывался по политическим вопросам, мне он давал понять, что, являясь «стойким американским патриотом», не приемлет советского социального строя и политики советского правительства. По моему мнению, такая непримиримость Стоуна прежде всего объясняется тем фактом, что он чрезвычайно богат. В молодости он был менее непримирим и менее богат. Тогда, по собственному признанию, он симпатизировал социалистической партии США и написал книгу о рабочем лидере Юджине Дебсе¹³. Однако миллионы долларов, полученные им в Голливуде за право экранизации книг, сделали Стоуна «стойким патриотом». Бесчисленное число раз во время поездки он показывал собеседникам глянцевою цветную открытку с видом его нового дома в аристократическом Беверли-хиллз в Лос-Анжелесе, обошедшегося «всего в 50 000 долларов»¹⁴. Эта демонстрация «просперити» была столь постыдно нарочитой, что в конце поездки Стоуны даже начали меня стесняться,

и г-жа Стоун вынимала злополучную открытку, когда полагала, что я не наблюдаю за ней.

По поводу событий на Кубе Стоун спесиво сказал мне, что США не могли терпеть происходящего, и он уже давно ждал от президента решительных действий.

Однако во время двух встреч с читателями, состоявшихся в Москве после возвращения из поездки по стране, Стоун обходил политические вопросы стороной. Только говоря о советской живописи, он твердил, что, по его мнению, она стагнирует, и намекал на то, что склонен объяснять это политическими причинами. Впрочем, читатели отвечали ему с большой логикой и достоинством, приводя в пример произведения молодых художников и опровергая его заключения. И. Стоун побывал в студии молодого скульптора Э. Неизвестного, в Тбилиси видел работы молодых грузинских художников, в Третьяковской галерее — картины Нисского¹⁵ и Дейнеки. После этого он уже не мог столь рьяно ругать наше изобразительное искусство.

Несмотря на открытую предубежденность против СССР И. Стоун с восхищением отзывался об успехах нашей страны в области промышленности, культуры и образования. Выступая на радиостанции в Киеве, Стоун отметил громадную жажду знаний советских людей, размах жилищного строительства, стремление народа жить в мире.

Находясь на Украине, в Грузии и Узбекистане, Стоун не мог не отметить успехов национальной политики, расцвета национальной культуры. Впрочем, он не упускал возможности высказаться в том смысле, что раньше представлял себе Россию чем-то целым, а теперь узнал, что она состоит из независимых частей, и высказывал пожелания, чтобы эта независимость и национальная специфика не исчезли бы под влиянием «могучего соседа». К сожалению, часто его хозяева не видели провокационного смысла речей Стоуна и шумно благодарили за «добрые пожелания».

Стоуну сообщили, что его новая книга о Микель-Анджело в следующем году выйдет в Гослитиздате¹⁶. Стоун очень доволен популярностью своих книг в нашей стране. Он неоднократно высказывал намерение посетить СССР снова, чтобы пожить на одном из черноморских курортов. Стоун поднимал перед «Молодой гвардией» и Гослитиздатом вопрос о повторных тиражах его книг. Это показывает, что И. Стоун заинтересован в сотрудничестве с советскими издательствами и Союзом писателей СССР.

И. Стоун, по его словам, фигура, довольно влиятельная в США. Он член множества комитетов, в том числе жюри премии Оскара за лучший фильм года (кстати, он высказал недоумение по поводу того, что СССР не участвует в этом киноконкурсе, хотя такие фильмы, как «Летят журавли» или «Баллада о солдате», несомненно, получили бы первый приз). Он лично знаком с Робертом Кеннеди¹⁷, который дал обед в его честь перед отъездом Стоунов за границу.

В этой связи кажется отрадным тот факт, что, в общем, И. Стоун положительно оценивает итоги своего визита в СССР и готов продолжить контакты в будущем.

Предложения:

1. Проследить за составлением антологии грузинской прозы и поэзии и пересылки ее И. Стоуну для публикации в США.
2. Ответить на предложение Стоуна об учреждении премии.
3. Поручить Орггруппе Инокомиссии уладить вопрос о посылке делегаций зарубежных писателей в Самарканд и Бухару.

В. Рамзес¹⁸.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. 4136. Маш.

¹ Соглашение между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях (так называемое «соглашение Лэйси-Зарубина») было подписано 27 января 1958 г. в Вашингтоне послом СССР Г.Н. Зарубиным и специальным помощником государственного секретаря США У.С. Лэйси и стало первым в истории российско-американских отношений межгосударственным соглашением, создавшим договорно-правовую основу для планомерного развития культурных и научных связей между двумя странами, осуществления программ культурных и научных обменов.

² «Жажда жизни» (*Lust for Life*, 1934; рус. пер. 1961) — историко-биографический роман о Ван Гогге. «Моряк в седле» (*Sailing on Horseback*, 1938; рус. пер. 1939; 1960) — беллетризованная биография Джека Лондона. Эти две первые книги, сделавшие Стоуна знаменитыми, были широко популярны в СССР.

³ Фой Дэвид Колер (Foy David Kohler, 1908–1990) был послом США в СССР (20.08.1962 – 14.11.1966). Он был назначен на эту должность президентом Дж.Ф. Кеннеди. Через две недели после его приезда в СССР начался кубинский кризис, и Колер оказался в эпицентре советско-американского конфликта. На следующий год при его участии были подготовлены и подписаны два важных соглашения между странами — о постоянной связи по трансатлантическому кабелю, «горячей линии» для разрешения чрезвычайных ситуаций (20.06) и Договор о запрещении испытаний ядерного оружия (5.08).

⁴ Первым браком И. Стоун был женат на Лоне Моск, дочери состоятельного бизнесмена из Лос-Анджелеса. В 1933 г. его литературным секретарем и редактором стала Джейн Фэктор (1911–2004), с которой Стоун был знаком с конца 1920-х гг. У них начался роман, и после развода с Лоней Стоун женился на Джейн в феврале 1934 г. Этот брак длился почти 55 лет, до смерти писателя

в 1989 г. Джейн Фэктор-Стоун деятельно помогала Стоуну в его творческой и общественной работе.

⁵ В 1962 г. Стоун и его жена действительно создали премиальный фонд для поощрения достижений в области поэзии и расширения контактов с писателями из Старого Света.

Г-н Стоун рассказал, что он и его жена создали «небольшой фонд», когда пять лет назад (т. е. в 1962 г. — О.П.) Академия американских поэтов попросила их выделить премии в размере 100 долларов за стихи, написанные в университетах, где он учился и преподавал — Южной Калифорнии, Калифорнии в Беркли и Калифорнии в Лос-Анджелесе. Фонд помогал европейским писателям приехать в Соединенные Штаты и поддерживал мастерскую г-на Шульберга для писателей из района Уоттс в Лос-Анджелесе (Gilroy, Harry. “Irving Stones Set 2 Literary Prizes; Hoping to Spur Biographical and Historical Novels.” *New York Times*. Jan 19, 1968: 45).

Впоследствии эта инициатива превратилась в Стоуновскую премию для авторов, работающих в жанре исторического и биографического романа. В той же публикации *New York Times* рассказывалось об учреждении этой премии:

Писатель Ирвинг Стоун и Джин Стоун, его жена, редактор и бизнес-менеджер, учредили две литературные премии. Вчера издательство Doubleday & Co. объявило, что будет отвечать за вручение ежегодных Стоуновских премий в размере 1000 долларов за лучшие биографические и исторические романы. В этом году в состав жюри войдут историк из Колумбийского университета Аллан Невинс, историк из Оксфордского университета А.Л. Роуз и писатель Бадд Шульберг. Рукописи и опубликованные книги можно подавать на конкурс в Doubleday до 27 сентября, и редакторы издательства выберут три сочинения в каждой номинации и с ними ознакомятся члены жюри.

В пятницу, за чашкой чая в холле отеля «Алконгин» г-н Стоун сказал, что хочет «поощрять написание биографических и исторических романов». Он посвятил свою творческую жизнь этому жанру, и его первой успешной книгой стал роман «Жажда жизни» о Винсенте Ван Гоге, вышедший в 1934 году. Он написал 20 книг, многие из которых стали бестселлерами, а пять были экранизированы. [...] Кеннет Маккормик, вице-президент и главный редактор Doubleday, предложил г-ну Стоуну поощрять авторов, работающих в том же жанре. Г-н Стоун сказал, что у фонда есть средства для выплаты новых премий в течение 7 лет, и вскоре этот срок будет увеличен до 10 лет. «Великая школа исторических романистов, — заявил он, — ушла в прошлое: некоторые из них умерли, а другие больше не работают в этом жанре». Единственный недавний исторический роман, который произвел на него впечатление, — это «Исповедь Ната Тернера» Уильяма Стайрона о восстании рабов на Юге. [...] Хотя «золотой век» исторического романа прошел, по его словам, вместе с ним ушло и то, что вполне можно было бы сохранить. [...] Г-н Стоун сказал, что самое трудное время для автора исторических романов — это работа над самой первой книгой, потому что пока он занимается сбором и изучением материала, пока пишет роман, он не получает никаких денег. Сам он, работая над «Жаждой жизни» жил тем, что писал детективные рассказы «за пенни за строку» (Ibid.).

⁶ Лев Васильевич Успенский (1900, Санкт-Петербург – 1978, Ленинград) — писатель, автор научно-популярных, мемуарных, детских книг, лингвист, переводчик, журналист, в годы войны — военный корреспондент, член Союза писателей (1939). Николай Леопольдович Браун (1902, Парахино, Тульская

губ. – 1975, Ленинград) — поэт, писатель, переводчик. Начиная творческий путь в Цехе поэтов Н. Гумилева (1919–1920), ранняя лирика отмечена влиянием Пастернака и Мандельштама. В 1920-е гг. входил во Всероссийский союз поэтов и ленинградское литературное объединение «Содружество», был женат на поэте и переводчице Марии Ивановне Комиссаровой (1903, с. Андреевское Костромская губ. – 1994, Санкт-Петербург).

⁷ Владимир Дмитриевич Савицкий (1922–2009) — критик, переводчик (с чешского, словацкого), кандидат филол. наук (1956), в 1957–1972 гг. — литконсультант Ленинградского отделения СП.

⁸ Леонид Николаевич Вышеславский (1904, Николаев – 2002, Киев) — советский украинский поэт, переводчик, педагог, филолог. С 1922 г. до середины 1930-х гг. жил в Харькове, где был членом ВАПЛІТЕ (Вільна Академія пролетарської літератури), участвовал в движении призыва ударников в литературу; затем в Киеве, где окончил филологический факультет КГУ им. Т. Шевченко. Автор более 60 книг стихов и прозы, множества переводов.

⁹ Иосиф Элиозович Нонешвили (1918, Карданахи – 1980, Тбилиси) — грузинский поэт; окончил филологический факультет Тбилисского университета (1942), участник войны, член КПСС (1945), с 1965 г. — секретарь Союза писателей Грузинской ССР. Переводил русскую поэзию на грузинский, был дружен с Д. Граниным, а также Б. Ахмадулиной и А. Вознесенским, которые переводили его поэзию на рус. яз.

¹⁰ Сергей Петрович Бородин (1902, Москва – 1974, Ташкент) — русский советский прозаик, автор популярных исторических романов. До 1941 г. публиковался под псевдонимом Амир Саргиджан. Народный писатель Узбекской ССР (1973). Лауреат Сталинской премии второй степени (1942). Происходил из дворянской семьи. С юности занимался живописью, писал стихи, окончил ВЛХИ им. В.Я. Брюсова (1926), специализировался по фольклору. В 1920-е много ездил в фольклорные экспедиции, был на строительстве Турксиба, в начале 1930-х участвовал в борьбе с басмачами в Средней Азии, был на Памире, потом работал в Армении. Некоторое время состоял в группе «Перевал» (до 1931 г.). В 1951 г. поселился в Ташкенте. В 1930-х писал повести и рассказы на материале, собранном во время пребывания в отдаленных районах страны. Первым историческим романом стал «Дмитрий Донской» (1941). Самое известное произведение Бородина — написанная в ташкентский период трилогия «Звезды над Самаркандом» («Хромой Тимур», 1955; «Костры похода», 1962; «Молниеносный Баязет», 1973) и посвященная истории Центральной Азии и Закавказья XIV–XV вв.; в центре трилогии — образ Тамерлана. Писатель планировал создать четвертую часть цикла, роман «Белый конь», который остался в набросках и черновиках.

¹¹ Рамз Насырович Бабаджан (настоящая фамилия — Бабаджанов, 1921, Ташкент – 2008, Ташкент) — узбекский поэт и драматург, журналист. Лауреат Государственной премии СССР (1972). Окончил факультет языка и литературы Ташкентского государственного педагогического института, работал журналистом, в конце 1930-х стал известен как поэт. Автор поэтических сборников «Новые рубаи», «Солнце в зрачках», «Да, я — азиат», «Поклон любви», а также поэм «Юсуф и Зулейха» и «Живая вода» (за нее он был удостоен Государственной премии СССР в 1972 г.). Был директором Издательства литературы и искусства, заместителем председателя Союза писателей Узбекистана. Переводил на узбекский язык Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Твардовского, произведения ряда европейских авторов. Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР (1971), народный поэт Узбекской ССР (1981).

¹² Назырулла Рахимович Ахунди — узбекский поэт, руководитель госиздательства в Ташкенте.

¹³ «Домашнее соперничество» (*Adversary in the House*, 1947) — биографический роман Ирвинга Стоуна о выдающемся деятеле рабочего движения Юджине Дебсе и его жене Кейт, которая была противницей социализма. В книге описываются сложные отношения супругов, поскольку жена не разделяет взглядов мужа и не принимает те ценности, которые он считал самыми важными. В рус. пер. вышел под названием «Неистовый странник»: Стоун И. Неистовый странник. Биографическая новелла о Юджине Дебсе / пер. Г. Льва. М.: Политиздат, 1986. В книгу также были включены избранные статьи и речи Ю. Дебса.

¹⁴ Стоун переехал в Беверли-Хиллз в 1945 г., в 1956-м продал свой дом и несколько лет прожил в Италии, где работал над книгой о Микеланджело. В 1961 г. он вернулся в Беверли-Хиллз, где купил новый дом, в котором жил до конца своих дней.

¹⁵ Георгий Григорьевич Нисский (1903, Новая Белица, Могилевская губ. — 1987, Москва) — художник, один из создателей так называемого «сурового стиля» — реалистической советской живописи рубежа 1950–1960-х гг., лауреат Сталинской премии (1951), действительный член Академии художеств СССР (1958), народный художник РСФСР (1965).

¹⁶ Речь идет о романе *The Agony and the Ecstasy* (1961). Отрывки из него публиковались в советской периодике в переводе Н. Банникова: Стоун И. В муках и радостях // Литературная газета. 18 февраля; Семья и школа. № 2. С. 33–34; Литературная Россия. 10 июля. С. 20–23. Вышла первая книга романа «Студия» (пер. Г. Льва) в журнале «Нева» (1964. № 3. С. 112–147). Книга целиком была издана через несколько лет: Стоун И. Муки и радости. Роман о Микельанджело / пер. с англ. и предисл. Н. Банникова. М.: Худож. лит., 1971.

¹⁷ Роберт Фрэнсис Кеннеди (Robert Francis Kennedy, 1925, Бруклин, шт. Массачусетс, США — 1968, Лос-Анджелес, шт. Калифорния, США) — юрист, политик, государственный деятель; младший брат президента Дж.Ф. Кеннеди. В тот период, когда Стоун посещал СССР, Р. Кеннеди был Генеральным прокурором США (январь 1961 – сентябрь 1964), а затем, с января 1965 г. и до своей гибели в 1968 г. — сенатором от штата Нью-Йорк.

¹⁸ Виктор Борисович Рамзес (1940, Москва – 1987, там же) — советский переводчик. Во время работы с И. Стоуном был студентом Института восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова, который закончил в 1963 г. Член Союза писателей СССР (1979) и международной Ассоциации африканской литературы (ALA). Некоторое время работал в Лондоне, много раз бывал в разных странах Африки. Специализировался на переводах африканской литературы, в основном с англ. яз. Автор ряда статей об африканской литературе.

2. В.Б. Рамзес — И.Ф. Огородниковой¹

13 октября 1962

Уважаемая Ирина Федоровна!

Дельце приобретает «интересный» оборот, о чем спешу Вам поведать. В первый день пришел Савицкий и спросил, чего Стоуну надобно. Тот ответил: встретиться с писателями.

Вчера поехали в Союз. Там были Браун с женой, Панич, Гор², Успенский. Все шло отлично. Но тут кого-то дернуло, кажется, Брауна, расписывать приезд Фроста³ и толпы народа, которые собирались в Ленинграде его слушать. Стоун зарделся, и его понесло.

— Я так разочарован, что мне не дали возможности выступить перед своими читателями в Ленинграде.

Ему резонно ответили, что он не просил об этом при приезде и что без его пожелания никто этим заниматься не мог.

Вот уже 24 часа Стоун ругает Савицкого. Тот-де скрыл от ленинградцев его, Стоуна приезд, из 350 писателей позвал только четырех. Этим Савицкий нарушает соглашение о культурном обмене, о чем Стоун доложит Москве и Госдепартаменту. И не иначе, как у Савицкого есть чьи-то инструкции скрывать «любимца» от публики.

Лене он передал меморандум, который я обещал незамедлительно довести до сведения «своего премьера». Вот его перевод (прилагаю также английский текст):

1) Г-н Стоун требует разрешить ему выступить по приезде в Москву с публичной лекцией, о которой будет заранее сообщено в газетах, для всех читателей, интересующихся его творчеством.

2) Г-н Стоун спрашивает, напечатана ли наконец статья о нем в газете «Московская правда». Если нет, то по каким причинам редакция не помещает ее?

3) Просит устроить ему по приезде в Москву:

- а) беседу со студентами института им. Горького,
- б) лекцию в Иностранной библиотеке,
- в) встречу с читателями в публичной библиотеке,
- г) читательскую конференцию на заводе Орджоникидзе (идея принадлежит секретарю комсомольской организации Юрию В.Б.)

4) Координировать даты и время всех мероприятий с культурным атташе посольства Стейплсом (чтобы не совпало с завтраком в посольстве).

Псих, мания величия в острой форме! Но все же, если сочтете нужным, прошу дать знать в Тбилиси и Ташкент, чтобы

- а) кому-то принять его дома (Нонешвили или Бородин?),
- б) позвать побольше народу (ему не важны имена писателей, главное — число),
- в) попытаться сделать встречи с читателями.

Завтра, 14-го, будем в Киеве. Вероятно, 16-го прилетим в Тбилиси (самолеты ходят через день, следующий только 18-го). 18-го или 20-го (опять через день) будем в Ташкенте.

Да, еще одна вещь. «Все великие люди жили в “Национале”. Или я, Стоун, не великий? Так вот, по возвращении в Москву хочу быть в “Национале”». Рвется к общению. Поощрять ли мне его? Шлите инструкции.

Ну а в остальном все более или менее сносно.

Простите, ежели что не так: уже второй час ночи!

Всем большой привет.

Вик. Рам<зес>.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. 4136. Маш.

¹ Ирина Федоровна Огородникова (1923–2008) — переводчик, в т. ч. с франц. и румын., консультант, затем зам. председателя иностранной комиссии СП СССР.

² Михаил Семенович Панич (Семенов, 1903, Белая Церковь – 1990, Ленинград) — прозаик, драматург, публицист. Первые рассказы и пьесы опубликовал в начале 1920-х, в 1939 г. окончил литературный факультет ЛГПИ им. А.И. Герцена, работал воспитателем в детском доме, учителем русского языка и литературы, научным сотрудником Ленинградского института усовершенствования учителей. Участник войны. Последователь педагогики А. Макаренко, автор множества книг, брошюр и статей о воспитании детей и подростков и целого ряда мемуаров. Геннадий Самойлович Гор (наст. имя Гдальи Самуилович Гор; 1907, Верхнеудинск (Улан-Удэ) – 1981, Ленинград) — прозаик, поэт, писатель-фантаст. В 1923 г. переехал в Петроград, учился на литературном отделении факультета языка и материальной культуры Ленинградского государственного университета, участвовал в литературной группе «Смена». В 1933 г. за книгу рассказов «Живопись» подвергся жесткой критике за модернизм и экспрессионизм. В 1934 г. был принят в Союз советских писателей. Участник войны. В послевоенное время стал известен своей коллекцией авангардной живописи и искусства народов Севера. В 1960-е возглавлял Центральное литературное объединение Ленинграда.

³ 88-летний поэт Роберт Фрост побывал в СССР прямо перед приездом Стоуна — в августе-сентябре 1962 г. Фрост отправился Советский Союз по специальной просьбе президента Дж.Ф. Кеннеди; главной политической миссией была встреча с Н.С. Хрущевым с целью разрядки напряженности на фоне приближавшегося карибского кризиса. Встреча и беседа с советским лидером состоялась 7 сентября в Гаграх, где в этом время Хрущев проводил отпуск. На эту встречу Фроста сопровождал А. Сурков. О политической стороне визита см.: Udall, Stewart L. “Robert Frost’s Last Adventure.” *New York Times*. June 11, 1972. Фрост также побывал в обеих столицах, общался с советскими писателями. В Москве он встречался с К. Паустовским, К. Чуковским, К. Симоновым, с представителями Союза писателей, с переводчиками своих стихов И. Кашкиным, М. Зенкевичем, А. Сергеевым. В Ленинграде 4 сентября утром он побывал на даче академика М.П. Алексеева, где виделся с Анной Ахматовой, которой подарил свою книгу. Вечером того же дня состоялся вечер в Пушкинском доме, на котором присутствовали, в числе других, Лев Лосев и Иосиф Бродский. См. о поездке Фроста: *Рив Франклин*. Роберт Фрост в России: Фрагменты из книги / пер. с англ. // Иностранная литература. 2000. № 5. С. 197–226.